

Ю. В. Беспечанский

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЕФРЕМОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЧАС БЫКА»)

Yu. V. Bespechansky

REFRACTION OF RUSSIAN PHILOSOPHY TRADITIONS IN ARTISTIC CREATION OF IVAN YEFREMOV (BASED ON THE NOVEL «THE BULL'S HOUR»)

В статье предпринята попытка выявить связи философских идей романа Ивана Ефремова «Час Быка» с основными традициями русской философии. Показана связь концепций романа с идеей всеединства. Отмечена религиозность мировоззрения Ефремова как в смысле его религиозной веры в коммунистическое будущее, так и в плане его приверженности теософски-эзотерического единства древних религий. Кроме того, писатель развивает традицию философии русского космизма, а также марксистскую диалектику. При этом Ефремов понимает диалектику не как синтез двух противоположностей и их «снятие» в чем-то третьем, но как «лезвие бритвы», как тонкую грань истинного пути между двумя «безднами», как «меру» между двумя крайностями.

Ключевые слова: *Ефремов, «Час Быка», русская философия, диалектика, религия, коммунизм, всеединство.*

The article attempts to reveal connections of the philosophical ideas of the Yefremov's novel «The Bull's Hour» with the main traditions of Russian philosophy. There is shown the relationship of the novel concepts with the idea of all-unity. There is marked the religiousness of Yefremov's worldview both in terms of his religious faith in the communist future so and in respect of his commitment to theosophic and esoteric unity of various ancient religions. Furthermore, the writer develops the philosophical traditions of Russian cosmism and Marxist dialectics. Although Yefremov does not understand dialectics as a synthesis of two opposites and their «withdrawal» in the something third but as the «razor's edge», as the fine line of true path between two «abysses», as «measure» between the two extremes.

Keywords: *Yefremov, «The Bull's Hour», Russian philosophy, dialectics, religion, communism, all-unity.*

Можно ли говорить о философии художественного творчества? Если понимать философию как особый стиль мысли, отличающийся научной рациональностью, системностью и доказательностью, то — вряд ли возможно. Однако такое представление о философии было подвергнуто сомнению уже в середине XIX века в трудах Шопенгауэра, Кьеркегора, Ницше и других мыслителей. Мы не являемся сторонниками постмодернистского произвола в философии, где размыты критерии истины и всякий изобретает «философию» на свой лад и по своему вкусу. Однако, бытие бесконечно, а любая рациональность имеет ограниченный характер. И, в этом смысле, подлинная философия, на наш взгляд, должна занимать положение на «лезвии бритвы» между строгой рациональностью и безудержным полетом мечты. Об этом предназначении философии парадоксально высказался русский философ Семен Франк: «Единственная истинная философия, заслуживающая этого имени, есть философское преодоление... всякой рациональной философии» [6, с. 440].

Такая корректировка задач философии открывает путь к взаимодействию философии с иными — внерациональными, или, точнее, «сверхрациональными» — сферами мысли, в частности с художественной литературой и другими видами искусства. Известно, что западноевропейская философская традиция считает русского писателя Ф. М. Достоевского основоположником принципов философского экзистенциализма. Исследователи отмечают, что романы Достоевского оказали существенное влияние на формирование философских взглядов Ф. Ницше. Петербургский исследователь И. И. Евлампиев недавно выпустил две монографии, посвященные философии человека в творчестве Ф. М. Достоевского [2], а также философии в художественных фильмах русского кинорежиссера А. А. Тарковского [3].

Но, в этой связи, следует вспомнить о творчестве советского писателя-фантаста Ивана Ефремова. Художественное творчество Ефремова, особенно три его последних романа, является максимально насыщенным философией. Ныне проводятся

конференции по творчеству И. А. Ефремова. Публикуются немало статей, среди которых можно упомянуть работу петербургского философа В. Н. Сагатовского [5]. Задачей нашей статьи является «вписать» творчество Ефремова в русскую философскую традицию XIX—XX века, показать реальные связи его идей с идеями известных русских философов на материале лишь одного из его больших романов — «Час Быка» [4].

«Час Быка», написанный в 1968 г., и изданный в 1970 г., сочетает в себе черты как социально-философской утопии, так и антиутопии. По сюжету, действие происходит через 1—2 тысячи лет от нынешней времени, в эпоху установившейся по всей Земле коммунистической эры. При этом, космическая экспедиция землян обнаруживает в дальнем космосе планету Торманс, населенную переселенцами с Земли далекого прошлого, из эпохи, близкой к современной. Ефремов называет ее ЭРМ (Эра Разобщенного Мира). Эта эра в романе завершается разрушительной Третьей Мировой Войной с использованием ядерного оружия, спасаясь от которой, звездолет землян оказывается на Тормансе. Далее, непонятным образом, цивилизация Торманса надолго консервируется в своем изначальном состоянии с момента переселения на две тысячи лет вперед. Обитатели коммунистической Земли вдруг встречают на Тормансе собственное прошлое. И это прошлое, по Ефремову, сочетает в себе черты двух социальных организаций: американского «гангстерского капитализма» и китайского «муравьиного лжесоциализма». И содержанием романа становится драма взаимодействия двух миров...

Роман благополучно прошел сквозь рогаки цензуры, и был издан сотысячным тиражом. Но после его издания посыпались письма «простых советских трудящихся», удивленных, как этот роман напечатали в СССР. Это кончилось тем, что «Час Быка» прочитал председатель КГБ Юрий Андропов и объявил произведение «зловным памфлетом на советскую действительность». Однако, Ефремов, будучи убежденным коммунистом, сумел доказать, что роман не направлен ни против коммунизма, ни против СССР, а лишь отражает трудные пути строительства социализма и коммунизма. Поэтому произведение не было официально запрещено, а лишь не рекомендовано к выдаче в читальных залах библиотек.

Действительно, Ефремов в 1960-е годы однажды был в составе палеонтологической экспедиции в Китае и видел многие «извращения» социализма со стороны маоистов. На Западе же он лично никогда не был. При этом, в романе содержится масса деталей советской действительности той поры, которые мог описать лишь очевидец жизни в СССР и которые были легко узнаваемы читателю: безудержные восхваления «великих руководителей», фильтрация информации и ложь в государственных СМИ, спецраспределители, постоянное «переписывание» истории, власть группы чиновников и чиновничий произвол и многое другое.

... Детство и юность автора данной статьи прошли в 1970—80-е годы в семье «диссидентствующей» советской интеллигенции, где традиционным ежевечерним ритуалом, аналогичным христианской

молитве, было часовое прослушивание по радиоприемнику рижского завода ВЭФ «вражских голосов»: «Свободы», «Немецкой волны», Би-би-си. Но при этом семья не разделяла идеалы «прогнившего Запада», верила в «подлинный коммунизм», искаженный «реальным социализмом». Общий взгляд многих советских интеллигентов был таковым, что есть святые «ленинские идеалы», далее подвергнутые «чудовищным искажениям» в годы сталинских репрессий. Эти самые общие настроения выразились и в романе «Час Быка».

И здесь мы переходим к обозначению первой из обнаруживаемых в романе традиций русской философии. Русская философия в истоке своем религиозна в том смысле, что верит в подлинную правду, даже если эта правда и не реализуется в жизни. Традиционная русская религиозная философия XIX—XX века была озабочена исканием подлинного Христа, проблемой воплощения Христа в русской и мировой культуре. Ее лейтмотив можно условно обозначить так: «Христос — это истина; историческая церковь исказила образ Христа; задача русского философа — восстановить утраченную истину». Николай Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» определял как главную черту русского марксизма именно его религиозность [1], то, что русский марксизм — это, скорее, не строго научная концепция, а вдохновенная вера в социальное переустройство. Ефремов, несомненно, считал себя подлинным марксистом. И тогда лейтмотив русской религиозной философии в «марксистки исправленном» виде запишется так: «Ленин — это истина; партия исказила ленинские идеалы; задача искреннего марксиста — вернуть утраченную истину и реформировать партию».

В самом деле, что есть религиозная вера и чем она отличается от научного знания? Научное знание — это теория, основанная на реально наблюдаемых фактах поведения систем в прошлом, и подтверждаемая верным прогнозом поведения этих же систем в будущем. Что же такое вера? По слову Апостола Павла, «вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). То есть, в вере есть две составляющих: во-первых, она базируется на том, что не очевидно, не предстоит с необходимостью взору любого объективного и беспристрастного наблюдателя; во-вторых, вера связана со страстной *субъективной мечтой*, со страстным стремлением осуществить то, во что веришь. Русский философ Семен Франк подходит к соотношению веры и неверия через факт расколотости внешнего и внутреннего мира и проблеме их единства, факт онтологической дистанции между мечтой и реальностью, между «должным» и «сущим». Философ пишет о двух онтологических установках: установке «неверия» или дуализма, в которой двойственность бытия есть последний и неустранимый факт; и установке «веры» или монизма, в которой указанная двойственность преодолевается в последнем единстве. «Есть ли враждебная двойственность двух миров для нас *последний, неустранимый факт*, перед которым мы должны смириться либо с отчаянием, либо со стоической резиньяцией, или же *есть* такая глубина бытия, в

которой все же преодолевается эта противоположность и открывается нам тайное, утешительное единство обоих миров?» [6, с. 592].

Так что же может быть общего между верой во Христа у Семена Франка и верой в коммунизм у Ивана Ефремова? Несмотря на все неудачи и трагедии церкви, несмотря на инквизиции и религиозные войны, подлинно верующие христиане остаются тверды в своей вере и надежде. Подобно этому, абсолютно все коммунистические эксперименты XX века пока заканчивались трагически: концлагерями и преследованием инакомыслящих, духовной деградацией и материальным обнищанием. Ни единого научно-исторического факта о возможности такого «прыжка» пока не наблюдалось. Но вера остается: именно потому, что она носит не научный, а именно религиозный характер. Надо уточнить, что мы не исследуем проблему критериев истинности и подлинности христианской или коммунистической веры. Мы лишь показываем нечто общее в их генезисе.

В этом плане, очень характерно отношение Ефремова к религии. В одном из писем он удивляется, что Ленин вел борьбу с религией: «ведь сам Ленин был очень религиозен». Здесь Ефремов, по сути, соглашается с Бердяевым. Разница в том, что Бердяев видел в коммунизме квазирелигию, псевдорелигию. Ефремов же понимал религиозность коммунистической идеи в положительном смысле.

Но вера в торжество коммунизма не исчерпывает сути ефремовской религиозности. Здесь можно отметить влияние на Ефремова еще одной русской философской традиции, которую можно назвать теософски-эзотерической, основательницей которой в России была Е. П. Блаватская. Для этой традиции характерно учение о «братстве религий», о новой религии будущего, соединяющей существующие. Кроме того, эта традиция крайне негативно отзывалась лишь об одной из существующих религий — о христианстве. Вот как пишет о христианстве Ефремов: «Подавление индивидуальности сводит людей в человеческое стадо, как было в Темные Века Земли, когда христианская церковь фактически выполнила задачу Сатаны, озлобив и сделав убийцами множество людей... К несчастью, главная религиозная книга наиболее техничной и могущественной из прошлых цивилизаций — белой — была Библия, наполненная злом, предательством, племенной враждой и бесконечными убийствами... Для другой великой цивилизации прошлого — желтой — учение Конфуция породило безответную покорность обстоятельствам жизни...» [4, с. 124]. Еще один порок, отмечаемый писателем в христианстве — это пренебрежение к телу и признание греховности эротической стороны жизни. Здесь Ефремов продолжает традицию, наиболее ярким представителем которой в России был В. Розанов, называвший христианство «религией гроба», якобы ненавидящей всё живое и телесное и поклоняющейся распятому мертвецу. Впрочем, наиболее ярким критиком христианства с этой стороны являлся всё же Ницше, оказавший серьезное влияние на русскую философию XIX—XX вв.

Но, в противовес двум якобы «душащим жизнь» религиям, Ефремов поднимал на щит две другие религиозные системы, являющиеся, по мнению писа-

теля, жизнеутверждающими — это религии Древней Греции и Древней Индии. Греческую систему воспитания через «ступени посвящения в мистерии» писатель видел прообразом воспитания человека будущего. Но наиболее привлекала Ефремова «телесность» этих культур. Романы Ефремова проникнуты эротизмом и тантризмом. Эрос в понимании Ефремова имеет духовный характер — люди должны быть едины телесно, если идут по единому духовному пути, — но, при этом, Ефремов видел в человеке будущего эротическую открытость и гордое торжество телесности, резко контрастирующую с «христианской», в его понимании, ханжеской стыдливостью. В романе «Час Быка» эта линия лишь намечена, а в других произведениях писателя, романах «Таис Афинская» и «Лезвие Бритвы», множество страниц посвящено воспеванию красоты женского тела.

Следующая традиция русской философии, развиваемая Ефремовым — это диалектическая традиция. Как показал А. Ф. Лосев еще в 1920-е годы, марксистский спор «диалектики» и «метафизики» — это вынесенный за пределы христианства богословский спор о нисхождении Святого Духа. Преобладающая западная традиция — это рационально-логическая иерархия Троицы, то есть «метафизика». Преобладающая восточно-христианская традиция делает упор на отношении Лиц в Троице: она является «диалектической», соединяющей логически противоположности. В истории философии известны различные стили и модели диалектики: модели Гераклита, Платона, патристического богословия, Николая Кузанского, Гегеля, Маркса, Франка. Модель диалектики, поддерживаемая и исповедуемая Ефремовым, носит название «лезвие бритвы» и восходит к развитой ведической философии. Эту модель писатель проповедует во всех своих больших романах. Суть ее в том, что «истинный путь» подобен тонкому лезвию бритвы между двумя «безднами». Диалектически мыслящий человек — это ницшевский «канатоходец духа». Здесь нет места гегелевскому либо марксистскому «синтезу» противоположностей; здесь идет речь об «узком пути» между двумя крайностями, восходящему также к древнегреческому учению о мере и умеренности как высших добродетелях души.

Идея о диалектическом «лезвии бритвы» удивительно перекликается в романе «Час Быка» с еще одной традиционной идеей русской философии: с идеей русского мессианства. Вот как пишет Ефремов: «Россия — первая страна социализма. Именно она пошла великим путем по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями. Русские решили, что лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о людях и с большей справедливостью, искоренить условия и самое понятие капиталистического успеха, искоренить всяческих владык, больших и малых, в политике, науке, искусстве. Вот ключ, который привел наших предков к Эре Мирового Воссоединения» [4, с. 127].

Еще одна магистральная традиция русской философии, воплотившаяся в творчестве И. А. Ефремова — это традиция «всеединства», переплетающаяся в творчестве писателя с идеями русского космизма.

Русская идея всеединства не желает мириться с актуальным состоянием нынешней Вселенной, где одни ее элементы существуют за счет гибели других, и проповедует наступление грядущей «мировой гармонии». Идея всеединства выражена у Ефремова в двойном смысле. Во-первых, это мысль о «братстве Великого Кольца». Безусловно веря в наличие инопланетного разума во Вселенной (мысль, впервые высказанная Дж. Бруно) и столь же безусловно веря в закон развития общественно-экономических формаций по направлению к коммунизму, Ефремов очерчивает контуры воображаемого вселенского коммунистического братства цивилизаций. Во-вторых, Ефремов выдвигает так называемую «теорию инферно». Под «инферно», что означает «ад», в переводе с латинского, писатель понимает цепь жестких природных и общественных законов, порабощающих человека власти необходимости. Однако есть существенное отличие взглядов Ефремова от традиционных марксистских концепций общественного развития. Если марксизм видит магистральным путем достижения итоговой «гармонии» усиление классовой борьбы и возрастание революционных настроений, — а затем, через мифическое абстрактное диалектическое «снятие» классовых противоречий под действием абстрактного закона «отрицания отрицания», — то Ефремов в «Часе Быка», как типичный представитель русской философии, показывает невозможность кардинальных преобразований общества без кропотливой работы по изменению сознания человека, по воспитанию свободной и творческой личности. Иначе, как это не раз происходило в истории, восставшие против олигархии представители угнетенных классов репродуцировали, став победителями, ту же самую олигархию, против которой они боролись.

И, наконец, наш анализ творчества Ефремова был бы неполным без указания на пророческую (пророческую) традицию русской философии. Когда-то Достоевский вложил в уста персонажа своего романа «Бесы» революционера-нечаевца Петра Верховенского знаменитую фразу: «Мы уничтожим сто миллионов, но построим новое общество». За полвека до трагедии революции Достоевский предвидел ее последствия. Чем может быть актуальна сейчас ефремовская утопия и антиутопия? Возможно, «гангстерский капитализм Америки», о котором пишет Ефремов, остался где-то во временах «великой депрессии». Китайский «муравьиный лжесоциализм» стал мрачным воспоминанием о

временах «великого кормчего». Но, удивительным образом, пророчества Ефремова об олигархическом режиме и бандитизме общества планеты Торманс, неоднократно и в разных вариациях реализовались на просторах бывшего СССР. Тем самым, глубина и пророческая сила ефремовской мысли, несмотря на то, что далеко не всегда с этой мыслью можно согласиться, реализовала себя на практике. Поэтому, Иван Антонович Ефремов, на наш взгляд, вполне может быть причислен «к лику» великих мыслителей всех направлений русской философии.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
2. Евлампиев, И. И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского. — СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2012. — 585 с.
3. Евлампиев, И. И. Художественная философия Андрея Тарковского / И. И. Евлампиев. — 2-е изд., переработ. и доп. — Уфа: ARC, 2012. — 472 с.
4. Ефремов, И. А. Час Быка / И. А. Ефремов. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 448 с.
5. Сагатовский, В. Н. И. Ефремов в контексте современной культуры / В. Н. Сагатовский // И. Ефремов — ученый, мыслитель, писатель: мат-лы симпозиума. — М.: Лаборатория фантастики, 1998. — С. 52—61.
6. Франк, С. Л. Непостижимое // С. Л. Франк. Сочинения. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. — С. 243—796.

Referencies

1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. [The Origin of Russian Communism]. Moscow: Nauka, 1990, 224 p.
2. Yevlampiev I.I. Filosofija cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo [Philosophy of man in creative works of F. Dostoyevsky]. Saint-Petersburg: Publishing House of Russian Christian Academy for the Humanities, 2012, 585 p.
3. Yevlampiev I.I. Hudozhestvennaja filosofija Andreja Tarkovskogo [Artistic philosophy of Andrei Tarkovsky]. Ufa: ARC, 2012, 472 p.
4. Yefremov I.A. Chas Byka [The Bull's Hour]. Sverdlovsk: Publishing House of Middle Ural, 1989, 448 p.
5. Sagatovskij V.N. I. Yefremov v kontekste sovremennoj kul'tury [I. Yefremov in the context of modern culture] I. Yefremov — uchenyj, myslitel', pisatel': materialy simpoziuma [I. Yefremov — scientist, thinker, writer: proceedings of the symposium]. Moscow: Laboratory of Science Fiction, 1998, pp. 52-61.
6. Frank S.L. Nepostizhimoe [The Unfathomable] Frank S.L. Sochinenija [Frank S.L. Writings]. Minsk: Harvest; Moscow: AST, 2000, pp. 243-796.

Поступила в редакцию 4 февраля 2014 г.

БЕСПЕЧАНСКИЙ Юрий Васильевич, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). Родился в 1967 году, в 2005 году окончил Русскую Христианскую Гуманитарную Академию (г. Санкт-Петербург). Соискатель при кафедре истории философии СПбГУ. Сфера интересов — русская философия и западная феноменология. E-mail: 2679101@mail.ru

BESPECHANSKY Yury Vasilievich, was born in 1967, in 2005 graduated from the Russian Christian Academy for the Humanities (Saint-Petersburg). He is a candidate at the History of Philosophy Department of Saint Petersburg State University. Currently he is a Senior Teacher at the Philosophy and Sociology Department of South Ural State University (Chelyabinsk). Professional interests: Russian philosophy and Western phenomenology. E-mail: 2679101@mail.ru